

Ю.В. Попков

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ В ГЛОБАЛЬНОЙ НЕУСТОЙЧИВОСТИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИЧЕСКИ-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ

Представлено обоснование важной роли традиционной культуры и этнокультурного разнообразия в обеспечении устойчивости современного общественного развития, выполнена диагностика концептуальных оснований государственной политики России в отношении этнокультурного разнообразия. Предварительно делается акцент на актуализации проблемы в условиях современного кризиса глобализации, существенно обострившегося в ситуации пандемии коронавируса COVID-2019. Обращено внимание на неоднозначные последствия глобализации, которая, с одной стороны, нивелирует этнокультурные различия, с другой стороны, стимулирует их сохранение как ресурса противодействия унифицирующей тенденции, создает условия для возрастания спроса на уникальные явления культуры и формирует для этого определенные предпосылки.

Показано, что в настоящее время традиционная культура разных народов существует в виде неотрадиции, неотрадиционализма, а ее устойчивость проявляется в расширении этнокультурного разнообразия. Использование его ресурсов для общественного развития во многом определяется эффективностью системы управления, а также тех концептуальных оснований во взглядах на сам феномен этнокультурного разнообразия, на которых базируются доктринальные основы публичной политики. Проведенный анализ Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации позволяет сделать вывод о доминировании в ней либерально-конструктивистской трактовки этнокультурного разнообразия, которая не позволяет в полной мере реализовать целевые установки на его сохранение. Обосновывается необходимость реальной поддержки этнических сообществ в их стремлении на сохранение актуально значимых элементов этнической культуры в разных сферах жизни.

Ключевые слова: *пандемия, глобализация, неустойчивость, этническая культура, этнокультурное разнообразие, этнокультурный неотрадиционализм, национальная политика.*

К числу наиболее популярных в современном общественном дискурсе принадлежит проблема глобализации. Не случайно, одним из определений, которым нарекают современный период развития всемирной истории, является его характеристика как эпохи глобализации (см., например, [1]). Веер обсуждаемых аспектов данной темы предельно широк как по диапазону охвата ре-

© Попков Ю.В., 2021

Попков Юрий Владимирович – д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения РАН, e-mail: yuripopkov54@mail.ru.

альных явлений, в которых находят отражение процессы глобализации, так и с точки зрения того интереса, который проявляют к данной проблеме представители разных дисциплинарных специализаций. По вопросам глобализации за последние десятилетия опубликовано огромное количество литературы. Не ставя задачу их анализа или обзора, сделаем акцент на некоторых значимых для рассмотрения заявленной темы моментах.

В оценке роли глобализации в общественном развитии наблюдается большое разнообразие, доходящее до противоположных позиций: от признания ее однозначного позитивного значения для судьбы человечества в его движении по пути к демократии, свободе, открытости и единству [2] до рассмотрения глобализации как вызова человечности, порождающего «глобальный концлагерь», «общество лжи» и «управляемого хаоса» [3]. Важно обратить внимание и на то, что процесс глобализации, по сути дела, снимает проблему субъектности общественного развития в виде отдельных государственных образований, что обостряет ситуацию с его управляемостью. Как отмечает В.Л. Иноземцев, «глобализация становится синонимом неуправляемости планетарного масштаба» [4, с. 36].

В целом современная глобализация, которая еще недавно рассматривалась по преимуществу как позитивная и одобряемая тенденция, в настоящее время обнаружила множество противоречивых и неоднозначных проявлений и последствий. При этом важно подчеркнуть, что речь идет не о частных моментах, а о глобальном цивилизационном кризисе [5], который спровоцировал, в частности, свою противоположность – феномен де-глобализации [6], а также сделал актуальным вопрос о поисках альтернативных вариантов развития [7].

С крайне негативной стороны последствия глобализации проявляются в текущей ситуации. Возникшее в китайском городе Ухане заболевание людей коронавирусом COVID-19, мгновенно распространившись по всему миру через разветвленные каналы глобализации, превратилось в пандемию, которая вызвала всеобъемлющий по глубине и широте своего воздействия на общественное развитие мировой кризис. И без того далеко не отличавшаяся стабильностью социальная система приобрела ярко выраженный неустойчивый характер. Тем самым население всего земного шара стало свидетелем реализовавшегося на практике прогноза о неопределенности будущего в глобальном масштабе, что находит отражение на уровне отдельных государств [5; 8, с. 253].

К настоящему моменту уже появилось немало публикаций, в которых анализируется влияние пандемии на разные стороны жизни людей. Но, как отмечает А.В. Рубцов, даже эксперты акцентируют внимание на достаточно очевидных, стандартных ее последствиях, касающихся ограничения контактов, активизации онлайн-коммуникаций, государственной поддержки отдельных групп населения, обрушения рынка труда и т.п. На самом деле эта проблема затрагивает более фундаментальные основания, связанные с моделями социо-

культурной трансформации и проектами цивилизационного развития. Автор диагностирует рассматриваемую ситуацию как «дефекты оптики, типичные для технократического позитивизма» [9, с. 20].

Многие зарубежные и российские исследователи озабочены осмыслением возможных сценариев цивилизационного будущего, альтернативных современной глобализационной модели в ее неолиберальном варианте. В последнее время можно наблюдать активизацию работы в этом направлении [10–13]. В то же время в структуре предлагаемых версий практически не находится места действующим на протяжении длительного исторического периода практикам и механизмам сохранения социальной устойчивости. Речь идет о традиционной культуре, которая, во-первых, концентрирует в себе опыт самоорганизации и жизнеобеспечения локальных групп населения, во-вторых, в разных формах сохраняется вплоть до современности. Так, ярким примером успешного противодействия распространению эпидемии коронавируса в 2020 г. выступила практика относительно изолированного существования сельских жителей, имеющих личное подсобное хозяйство, и горожан, проживающих на дачах. То, что еще недавно считалось архаикой, пережитком, оказалось весьма современным, спасительным в настоящее время, поскольку такая система жизнедеятельности позволяла не только обеспечивать людей значительной частью продуктов питания, но и, как отмечают Н.Е. Покровский, А.Ю. Макшанчикова и Е.А. Никишин, в полной мере совмещать в себе другие значимые функции – рабочие, рекреационные, «карантинно-санитарные» [14, с. 54]. Таким образом, внегородские социокультурные пространства России оказались важным ресурсом адаптации к кризисной ситуации [14].

Применительно к текущему моменту эффект восстановления, ренессанса архаического В.Г. Федотова рассматривает как реакцию на современную пандемию в ситуации неэффективности государственной социально-экономической политики [15, с. 5]. В этой связи сконцентрируем далее свое внимание на трех значимых проблемах.

Во-первых, эффект обозначенного ренессанса имеет место в отношении не только исходных, архаических, но и последующих форм и проявлений этнокультуры, закрепленных в традиции. В свою очередь и архаическое, и традиционное в реальной жизни современности существуют не в аутентичной, а в обновленной форме, в форме неотрадиции. Традиционная этническая культура является устойчивой во времени и одновременно достаточно пластичной, поскольку обладает способностью адаптироваться к изменяющимся условиям существования и ассимилировать в себе разного рода новаций в процессе взаимодействия ее носителей с представителями других культур. Все это находит отражение в феномене социального (и этнокультурного) неотрадиционализма, исследование которого является ныне весьма актуальной и популярной темой [16–20]. С сущностной точки зрения этнокультурный неотрадицио-

нализм можно представить как процесс и продукт внутренней и внешней рефлексии этнокультур в ее синхронно-диахронном измерении [20, с. 114–126].

Во-вторых, ренессанс архаического и всестороннее оживление неотрадиционализма не есть только эффект текущей пандемии коронавируса. Они со всей очевидностью обнаружили себя как закономерные продукты кризиса эпохи глобализации, которая, как отмечалось, имеет весьма неоднозначные последствия. С одной стороны, глобализация действует как «унифицирующий каток», нивелирует этнокультурные различия, с другой стороны, создает определенные стимулы для их сохранения как ресурса противодействия тенденции унификации, что находит, в частности, отражение в известном феномене глокализации [21, 22]. Одновременно в условиях глобализации возрастает спрос на уникальные явления культуры, для сохранения и возрождения которых формируются определенные предпосылки, в том числе за счет порождаемых самой глобализацией всесторонних и разнообразных связей на локальном, региональном и международном уровнях [23].

Стимулируемые глобализацией и кризисом неолиберальной модели развития активные миграционные процессы обеспечивают широкое распространение элементов той или иной традиционной культуры за пределы материнского этноса и закрепление их в разных сообществах, в которых оказываются ее представители. Данная тенденция находит яркое проявление в расширении и усложняющейся конфигурации этнокультурного разнообразия не только на глобальном, но и на региональном и локальном уровнях, что определяет актуализацию вопроса о необходимости целенаправленного и корректного регулирования соответствующих процессов.

В-третьих, проблема обеспечения эффективного государственного управления применительно к рассматриваемой области также не относится лишь к текущей кризисной ситуации, связанной с пандемией коронавируса. Она возникла вместе с осознанием неоднозначности последствий глобализации для судеб человечества и признанием необходимости сохранения культурного разнообразия как важного условия устойчивости всей социальной системы. Концентрированное выражение данная проблема нашла во Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии. В ней культурное разнообразие, разнообразием которого является разнообразие этнокультурное, признано в качестве важного условия жизнеспособности социума, подобно оценке значимости биоразнообразия для устойчивости экосистем и биосферы в целом. Защита культурного разнообразия провозглашается здесь этическим императивом¹.

Данная установка важного международного документа нашла отражение на уровне государственной политики разных стран. В Российской Федерации

¹ Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Принята 2 ноября 2001 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 04.12.2021).

она зафиксирована в нынешней Стратегии государственной национальной политики (далее – Стратегия) в виде провозглашения в качестве одной из ее целей сохранение и поддержку этнокультурного многообразия (в ней используется термин «многообразие» как тождественный «разнообразию»)².

Но возникает вопрос о том, как понимается этнокультурное многообразие, каким реальным содержанием наполнено данное понятие в доктринальном документе?

За данной проблемой скрывается более общий вопрос о концептуальных основаниях Стратегии. Опираясь на проведенный нами ранее анализ данного вопроса, а также на мнение других исследователей, можно сделать вывод о доминировании здесь конструктивистского подхода [20, 24].

В Стратегии нашел отражение совершенный в России усилиями В.А. Тишкова и его сторонников этнологический поворот, суть которого состоит в переходе от существовавших в советский период примордиалистских к либерально-конструктивистским методологическим установкам в понимании этнического феномена, многих связанных с ним явлений, а также и процесса нациестроительства [25]. Хотя данный переход не является однозначным, поскольку обременен многими противоречиями и очевидными коллизиями, изменения фундаментальных оснований национальной политики лежат именно в русле обозначенного тренда.

Такая позиция имеет место, например, применительно к интерпретации нации как базового для национальной политики понятия. Вслед за В.А. Тишковым, который рассматривает нацию как форму «коллективного самосознания (идентичности) людей по поводу принадлежности к определенной общности, которую они и считают нацией»³, в Стратегии многонациональный народ Российской Федерации (российская нация) определяется как *сообщество граждан* (здесь и далее курсив наш. – Ю.П.) разной принадлежности, обладающих одной качественной характеристикой – гражданским *самосознанием*. Гражданское единство трактуется здесь как признание гражданами суверенитета государства, его целостности и т.п., а общероссийская гражданская идентичность – как *осознание* гражданами их принадлежности... ответственности... необходимости...⁴

В Стратегии есть определение этнокультурного и языкового многообразия как совокупности всех языков и культур. Но то, как понимаются культуры, чет-

² О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 19 дек. 2012 г. № 1666 // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 04.12.2020).

³ Тишков В.А. Что есть нация. В поисках российской идентичности // Независимая газета. 2017. 24 янв. URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2017-01-24/9_6910_nacia.html (дата обращения: 20.10.2020).

⁴ О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года ...

ко не поясняется, как не обозначаются и их носители. Однако неявный ответ на этот вопрос содержится в еще одном определении: «народы, национальности, этнические общности в Российской Федерации – национальный и *этнический состав* населения Российской Федерации, образующий этнические общности *людей*, свободно *определяющих* свою национальную и культурную *принадлежность*»⁵. Иначе говоря, это есть проявление даже не идентичности (которая предполагает в том числе восприятие того или иного субъекта со стороны), а персональной самоидентификации – отнесения себя конкретным человеком к той или иной национальности, которое порой бывает контекстуальным.

По сути дела, здесь присутствует абстрактный гражданский либерализм, который не подкреплен фиксацией объективных онтологических оснований этнокультурного многообразия, а также и этнической идентичности, о которой вообще не говорится, хотя, как известно, она играет важную роль в жизни абсолютного большинства населения России и без нее, по нашему убеждению, невозможно сохранение этнокультурного многообразия.

Почему понятие этнической идентичности не упоминается в Стратегии? На наш взгляд, четкое объяснение этому факту дает Л.М. Дробижева. Подробно анализируя в одной из своих последних работ изменения в содержании доктринальных документов Российской Федерации в данной сфере, в том числе по вопросу о политике идентичности, она делает вывод о выраженной ориентации на деполитизацию этнической идентичности и вообще этничности [26]. Видимо, одним из проявлений данной ориентации является в том числе исключение из текста Стратегии самого понятия «этническая идентичность». И это при том, что, как отмечает автор по итогам обобщения своих собственных исследований и исследований других авторов, значимость данного вида идентичности, а также и этнической солидарности, за последние годы в России даже выросла [26, с. 3619–3621]. В этой ситуации должна быть определена четкая позиция власти по отношению к государственной политике не только гражданской, но и этнической идентичности.

Возвращаясь к этнокультурному многообразию, следует сказать, что в качестве его субъектов целесообразно определять не только отдельных индивидов, но и этнические группы и этнические сообщества, поскольку только в рамках коллективного существования могут сохраняться материальные и духовные пласты этнической культуры – ценности, традиции, модели поведения, образ жизни. Именно такой подход манифестируется во Всеобщей декларации ЮНЕСКО: «культурное разнообразие проявляется в неповторимости и многообразии особенностей, присущих группам и сообществам, составляющим человечество»⁶.

⁵ О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года ...

⁶ Всеобщая декларация ЮНЕСКО...

Успешная реализация обозначенной целевой установки Стратегии на поддержку этнокультурного многообразия предполагает реальное содействие этническим культурам в виде создания правовых и социально-экономических механизмов, направленных на сохранение живой этнокультурной традиции, в том числе языков, что не должно ограничиваться разного рода фестивальными мероприятиями. С точки зрения научного обеспечения решения данной задачи актуальными являются:

1) использование иной, чем это представлено в конструктивистском подходе, концептуально-методологической базы рассмотрения самого феномена этнокультурного разнообразия;

2) применение более точных процедур и совершенствование существующих методик его количественных оценок;

3) мобилизация ресурсов качественных методов анализа, позволяющих учитывать не только субъективные представления людей, но и реальные этнокультурные практики в различающихся моделях поведения и образа жизни представителей разных этнических групп.

Диагностика и учет реального этнокультурного разнообразия предполагает выработку более сложных механизмов управления, чем это имеет место в гомогенных сообществах. Эта проблема является особенно актуальной для России, которая принадлежит к числу самых многонациональных государств и отличается большим этнокультурным разнообразием ее регионов. Без этого система управления может превратиться в определенную угрозу для благополучного развития локальных и региональных сообществ в условиях интенсификации миграционных процессов, как это произошло с политикой мультикультурализма в странах Западной Европы.

Список литературы

1. Смирнов А.В. Проект многоцивилизационного мира как основание идеи многополярности: концепция всечеловеческого сегодня // Национальная философия в глобальном мире: тез. докл. Первого Белорус. филос. конгр. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск: Беларуская навука, 2017. – С. 350–352.

2. Сорос Дж. О Глобализации. – М.: ЭКСМО, 2004. – 224 с.

3. Гордеев К. Глобализация – вызов человечности. – М.: БСК, 2003. – 248 с.

4. Иноземцев В.Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации. – 2008. – № 1. – С. 31–44.

5. Вебер А.Б. Парадоксы современного развития: человечество у развилки истории // Вестник Института социологии. – 2018. – Т. 9, № 1 (24). – С. 52–75.

6. Артановский С.Н. Глобализация и де-глобализация // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 4 (9). – С. 6–14.
7. Бузгалин А.В. Альтернативы глобализации (еще раз о том, что такое глобализация) // Дневник Алтайской школы политических исследований. – 2002. – № 17. – С. 176–186.
8. Гаман-Голутвина О.В., Сморгунов Л.В., Тимофеева Л.Н. Траектории политического развития России // Власть. – 2020. – Т. 28, № 4. – С. 253–258. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7472>
9. Рубцов А.В. Вирусы и цивилизации. О новом влиянии биокатаклизмов на эволюцию социокультурных моделей и цивилизационных проектов // Вопросы философии. – 2020. – № 8. – С. 20–31. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-8-20-31
10. Von Weizsaecker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. – Springer, 2018. – 220 p.
11. Смирнов А.В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. – М.: Садра, Изд. дом ЯСК, 2019. – 216 с.
12. Резник Ю.М. Образы цивилизационного будущего России: отдельные проекты и возможности их интеграции // Вопросы социальной теории: научный альманах / под ред. Ю.М. Резника. – М.: Изд-во Независимого института гражданского общества, 2020. – Т. XII. – Разд. 1. – С. 17–120.
13. Тюгашев Е.А. Где находится России и куда она движется? // Личность. Культура. Общество. – 2020. – Т. XXII. – Вып. 3-4 (№ 107-108). – С. 251–261. DOI: 10.30936/1606951X2020223/4251261
14. Покровский Н.Е., Макшанчикова А.Ю., Никишин Е.А. Обратная миграция в условиях пандемического кризиса: внегородские пространства России как ресурс адаптации // Социологические исследования. – 2020. – № 12. – С. 54–64. DOI: 10.31857/S013216250010726-1
15. Федотова В.Г. Меняющаяся современность: всемирность и социальность // Вопросы философии. – 2020. – № 11. – С. 5–14. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-11-5-14>
16. Мадюкова С.А., Попков Ю.В. Феномен социокультурного неотрадиционализма. – СПб.: Алетейя, 2011. – 132 с.
17. Ламажаа Ч.К. Архаизация общества. Тувинский феномен. – М.: Либероком, 2013 – 272 с.
18. Анжиганова Л.В. Этнический неотрадиционализм в условиях социокультурных трансформаций // Мир науки, культуры образования. – 2012. – № 6. – С. 438–440.
19. Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации / под ред. В.В. Бочарова, В.А. Попова; Центр информатизации образования «КИО». – СПб., 2019. – 320 с.

20. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2020. – 256 с.

21. Featherstone M. Localism, Globalism, and Cultural Identity // *Global/local: cultural production and the transnational imaginary*. – Durham, N.C.: Duke University Press, 1996. – P. 46–77.

22. Roudometof V. *Glocalization: A Critical Introduction*. – New York: Routledge, 2016. – 188 p.

23. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Глобализация и этнокультурный неотрадиционализм // *Вопросы культурологии*. – 2013. – № 11. – С. 36–41.

24. Соколова Ф.Х. Эволюция национальной политики России в конце XX – начале XXI века // *Вестн. Сев. (Аркт.) федер. ун-та. Гуманит. и социол. науки*. – 2016. – № 6. – С. 54–67. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.54

25. Попков Ю.В. Современная российская национальная политика: концептуально-целевые основы и опыт реализации (на примере Тувы) // *Новые исследования Тувы*. – 2020. – № 3. – С. 253–268. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.18

26. Дробижева Л.М. Турбулентность в этнополитическом дискурсе и этническая идентичность в общероссийских и региональных исследованиях [Электронный ресурс] // *Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сб. докл. VI Всерос. социол. конгр. / под ред. В.А. Мансурова, Е.Ю. Ивановой; РОС; ФНИСЦ РАН*. – М., 2020 – С. 3615–3622. DOI: 10.19181/kongress.2020.430

References

1. Smirnov A.V. Proekt mnogotsivilizatsionnogo mira kak osnovanie idei mnogopoliarnosti: kontseptsiiia vsehelovecheskogo segodnia [The project of a multi-civilizational world as the basis of multipolarity: The concept of the universal today]. *Natsional'naia filozofiiia v global'nom mire*. Abstracts of Papers of the 1st Belarusian Philosophical Congress. Eds. V.G. Gusakov et al. Minsk, Belarускаia navuka, 2017, pp. 350–352.

2. Soros G. On globalization (Russ. ed.: Soros Dzh. O Globalizatsii. Moscow, EKSMO, 2004, 224 p.).

3. Gordeev K. Globalizatsiia – vyzov chelovechnosti [Globalization is a challenge to humanity]. Moscow, Biblioteka serbskogo kresta, 2003, 248 p.

4. Inozemtsev V.L. Sovremennaia globalizatsiia i ee vospriatie v mire [Modern globalization and its perception in the world]. *Vek globalizatsii*, 2008, no 1, pp. 31–44.

5. Veber A.B. Paradoksy sovremennogo razvitiia: chelovechestvo u razvilki istorii [The paradoxes of modern development: Mankind on the edge of a historic bifurcation]. *Vestnik Instituta sociologii*, 2018, vol. 9, no. 1(24), pp. 52–75.

6. Artanovskii S.N. Globalizatsiia i de-globalizatsiia [Globalization and de-globalization]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2011, no. 4(9), pp. 6–14.

7. Buzgalin A.V. Al'ternativy globalizatsii (eshche raz o tom, chto takoe globalizatsiia) [Alternatives to globalization (Once again about what globalization is)]. *Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovani*, 2002, no. 17, pp. 176–186.

8. Gaman-Golutvina O.V., Smorgunov L.V., Timofeeva L.N. Traektorii politicheskogo razvitiia Rossii [The trajectories of political development of Russia]. *Vlast'*, 2020, vol. 28, no. 4, pp. 253–258. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7472>.

9. Rubtsov A.V. Virusy i tsivilizatsii. O novom vliianii biokataklizmov na evoliutsiiu sotsiokul'turnykh modelei i tsivilizatsionnykh proektov [Viruses and civilizations. The new impact of biocataclysms on the evolution of sociocultural models and civilizational projects]. *Voprosy filosofii*, 2020, no. 8, pp. 20–31. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-8-20-31.

10. Von Weizsaecker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, short-termism, population and the destruction of the planet. Springer, 2018, 220 p.

11. Smirnov A.V. Vsechelovecheskoe vs. obshchechelovecheskoe [Universal vs. common things for mankind]. Moscow, Sadra, Iazyki slavianskikh kul'tur, 2019, 216 p.

12. Reznik Iu.M. Obrazy tsivilizatsionnogo budushchego Rossii: ot del'nye proekty i vozmozhnosti ikh integratsii [Images of the civilizational future of Russia: Individual projects and opportunities for their integration]. *Voprosy sotsial'noi teorii: Nauchnyi al'manakh. Rossiia kak tsivilizatsiia budushchego*. Ed. Iu.M. Reznik. Moscow, Independent Civil Society Institute, vol. 12, 2020, pp. 17–120.

13. Tiugashev E.A. Gde nakhoditsia Rossii i kuda ona dvizhetsia? [Where is Russia and where is it heading?]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 2020, vol. 22, no. 3-4(107-108), pp. 251–261. DOI: 10.30936/1606951X2020223/4251261.

14. Pokrovskii N.E., Makshanchikova A.Iu., Nikishin E.A. Obratnaia migratsiia v usloviakh pandemicheskogo krizisa: vnegorodskie prostranstva Rossii kak resurs adaptatsii [Reverse migration in pandemic crisis: Russia's out-of-town spaces as an adaptation resource]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2020, no. 12, pp. 54–64. DOI: 10.31857/S013216250010726-1.

15. Fedotova V.G. Meniaiushchaisia sovremennost': vseмирnost' i sotsial'nost' [Changing modernity: Worldwideness and sociality]. *Voprosy filosofii*, 2020, no. 11, pp. 5–14. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-11-5-14>.

16. Madiukova S.A., Popkov Iu.V. Fenomen sotsiokul'turnogo neotraditsionalizma [The phenomenon of sociocultural neo-traditionalism]. Saint-Petersburg, Aleteiia, 2011, 132 p.

17. Lamazhaa Ch.K. Arkhaizatsiia obshchestva. Tuvinskii fenomen [Archaization of society. Tuvan phenomenon]. Moscow, Librokom, 2013, 272 p.

18. Anzhiganova L.V. Etnicheskiy neotraditsionalizm v usloviakh sotsiokul'turnykh transformatsii [Ethnic neotraditionalism in the conditions of socio-cultural transformations]. *Mir nauki, kul'tury obrazovaniia*, 2012, no. 6, pp. 438–440.

19. Neotraditsionalizm: arkhaiskiy sindrom i konstruirovaniye novoi sotsial'nosti v kontekste protsessov globalizatsii [Neotraditionalism: An archaic syndrome and the construction of a new sociality in globalization processes]. Eds. V.V. Bocharov, V.A. Popov. Saint-Petersburg, Center for informatization of education KIO, 2019, 320 p.

20. Popkov Iu.V., Tiugashev E.A. Etnokul'turnyi neotraditsionalizm i identichnost' v sovremennykh sotsiokul'turnykh transformatsiiakh [Ethnocultural neo-traditionalism and identity in contemporary sociocultural transformations]. Novosibirsk, Novosibirsk State Technical University, 2020, 256 p.

21. Featherstone M. Localism, globalism, and cultural Identity. *Global/local: Cultural Production and the Transnational Imaginary*, Durham, North Carolina, Duke University Press, 1996, pp. 46–77.

22. Roudometof V. Globalization: A critical introduction. New York, Routledge, 2016, 188 p.

23. Popkov Iu.V., Tiugashev E.A. Globalizatsiia i etnokul'turnyi neotraditsionalizm [Globalization and ethnocultural neotraditionalism]. *Voprosy kul'turologii*, 2013, no. 11, pp. 36–41.

24. Sokolova F.Kh. Evoliutsiia natsional'noi politiki Rossii v kontse XX – nachale XXI veka [The evolution of the Russian national policy in the late 20th – early 21st century]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2016, no. 6, pp. 54–67. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.54.

25. Popkov Iu.V. Sovremennaiia rossiiskaia natsional'naia politika: kontseptual'no-tselevye osnovy i opyt realizatsii (na primere Tuvy) [Contemporary Russian national policy: Conceptual and target bases and implementation experience: The case of Tuva]. *Novye issledovaniia Tuvy*, 2020, no. 3, pp. 253–268. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.18.

26. Drobizheva L.M. Turbulentnost' v etnopoliticheskom diskurse i etnicheskaia identichnost' v obshcherossiiskikh i regional'nykh issledovaniyakh [Turbulence in ethno-political discourse and ethnic identity in All-Russian and regional surveys]. *Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsial'nom razvitiy regionov*. Proc. 6th All-Russian Sociological Congress (Tyumen, Oct. 14-16, 2020). Eds. V.A. Mansurov, E.Iu. Ivanova. Moscow, ROS, FCTAS RAS, 2020, pp. 3615–3622. DOI:10.19181/kongress.2020.430.

Оригинальность 81 %

Получено 18.01.2021

Принято 08.02.2021

Опубликовано 30.06.2021

Yu.V. Popkov

**TRADITIONAL CULTURE AND ETHNOCULTURAL DIVERSITY
IN GLOBAL INSTABILITY: CONCEPTUAL FRAMEWORK
AND PRACTICAL-POLITICAL EFFECTS**

The author solves two main tasks, firstly, substantiating the important role of traditional culture and ethnocultural diversity in ensuring the sustainability of modern social development, and secondly, diagnosing the conceptual foundations of Russia's state policy in relation to ethnocultural diversity. The problem is getting more acute in the context of the current crisis of globalization driven by the COVID-2019 pandemic. The author draws attention to the ambiguous consequences of globalization, which, on the one hand, offsets ethnocultural differences, on the other hand, stimulates their preservation as a resource for countering the unifying trend, conditioning an increased demand for unique cultural phenomena and forms certain prerequisites for this.

The author argues that at present the traditional culture of different peoples exists in the form of neo-traditionalism, and its stability is manifested in the expansion of ethnocultural diversity. The effectiveness of the management system largely determines the possibilities of using its resources for social development. Also important are the conceptual foundations in the views of the very phenomenon of ethnocultural diversity, on which the doctrinal foundations of public policy are based. The analysis of the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation let us conclude that the liberal-constructivist interpretation of ethnocultural diversity dominates, which does not allow to implement fully the targets for its preservation. The author substantiates a need for real support of ethnic communities in their effort to preserve relevant elements of ethnic culture in different spheres of life.

Keywords: pandemic, globalization, instability, ethnic culture, ethnocultural diversity, ethnocultural neo-traditionalism, national policy.

Yuri V. Popkov – Doctor of Philosophy, Professor; Chief Researcher, Department of Social and Legal Studies, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; e-mail: yuripopkov54@mail.ru.

Received 18.01.2021

Accepted 08.02.2021

Published 30.06.2021